
18+
МИР
ЮРИЯ МУДРЕНКО
ВАСИЛЁК
НЕЖНОСТЬ. ВЕРНОСТЬ. ЛЮБОВЬ.
ЮРИЙ МУДРЕНКО
Иногда один маленький цветок напоминает о самом главном...
РОМАН О ТОМ, ЧТО ОСТАЁТСЯ В СЕРДЦЕ НАВСЕГДА

Юрий Мудренко

Василёк. Печальная и поучительная история о любви и ненависти

https://litres.ru/24123940
ISBN 9785448520464

Аннотация

От любви до ненависти бывает только один единственный шаг и этот шаг может стать роковым. Если раньше можно было всё исправить, то, сделав этот шаг, уже не получится ничего…

Содержание

1	5
2	12
3	20
4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Василёк
Печальная и поучительная история о любви и ненависти

Юрий Мудренко

***ПРОШУ УЧЕСТЬ**, что все действующие лица и события вымышлены. Любое сходство с реальными людьми и событиями является случайным.*

© Юрий Мудренко, 2026

ISBN 978-5-4485-2046-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Катя выглянула в окно и сразу же отметила про себя, что к обеду погода ничуть не изменилась: холодный осенний ветер пронизывал насквозь, заставляя спешивших по тротуарам прохожих кутаться всё сильнее, запахивать полы пальто и застёгивать куртки на все застёжки до самого верха.

— Бр-р-р! — непроизвольно вырвалось у женщины, передёрнувшей машинально плечами.

Она отвела взгляд от городского пейзажа и вернулась за свой рабочий столик, беспорядочно загромождённый бумагами и канцелярскими принадлежностями. Навести хотя бы мало-мальский порядок никак не удавалось.

— Ты чего сидишь? — спросила её подруга. — Три часа. Собирайся и иди, а я тут за двоих подежурю. Осталось-то каких-то два часа. А то на тебе лица нет, молчишь всё. Случилось что? Нет? Ну, не говори. От любопытства ни страдать, ни умирать не буду.

— Да нет, всё нормально. Только вот с мыслями никак собраться не могу, — через силу улыбнулась Катя.

— Да я заметила, — Нонна (так звали подругу) кивнула головой. — Может, дома что приключилось?

— Нет, нет, — скороговоркой проговорила Катя. — Всё в порядке. Так я пойду?

— Иди, конечно же, — поторопила подругу Нонна.

— Спасибо.

Катя могла этого и не говорить, потому что её коллега по работе относилась к тому мизерному количеству людей, которые никогда не ждут благодарностей за свои добрые дела и поступки, а просто бескорыстно их совершают. Вот и на этот раз был тот самый случай, когда Нонна не могла пройти мимо очевидных забот того, кто находился рядом, а потому приняла единственное верное решение — помочь, чем только возможно.

Уже через десять минут Катя, закутанная в тёплый шарф и бесконечную тревогу, вырвалась из злосчастного кабинета на свежий воздух и поспешила домой. Надо было приготовить ужин к приходу мужа, чтобы сначала его накормить, а потом уже разговорить, получив ответы на все волнующие вопросы.

К счастью, дома никого не оказалось, а потому процесс приготовления сразу же пошёл, как по нотам. И всё было бы хорошо, если бы не одно досадное недоразумение: закончилось подсолнечное масло, на котором Катя собиралась пожарить приготовленные котлеты, а заодно выяснилось, что соль тоже не мешало бы купить. На сегодня её, конечно же, хватит, а вот на завтра вряд ли, и придётся снова бежать в магазин. Выбора не было, а потому Катя опять оделась, закуталась по привычке в тёплый пуховый шарф — подарок мужа, и вышла из дома, направившись в ближайший супермаркет.

Смеркалось, и эту надвигавшуюся на засыпающий город

темноту всё отчётливее подчёркивало уличное освещение.

— Добрый вечер, Катюша, — это соседка тётя Нюра поздоровалась с женщиной.

— Добрый вечер.

— Ты куда направилась? Уж не на почту ли часом?

— Да нет, тётя Нюра, в магазин иду, — ответила Катя и тут же спросила. — Может и Вам что-нибудь купить надо? Вы скажите, так я принесу.

— Да нет, сердечная, ничего мне не надо, — тётя Нюра улыбнулась. — Разве что пакет молока мне купи, только обезжиренного.

И Катя продолжила свой путь за покупками.

Шоппинг — это модное понятие, появившееся в нашем обиходе благодаря английскому слову, созвучному с русской транскрипцией. По своей сути шоппинг всегда был крайне полезным занятием, особенно, если проводился грамотно. Именно шоппинг служил верным средством профилактики нервных расстройств из-за нескончаемой стрессовой ситуации. И здесь уже неважно, что покупать. Главное — делать это с удовольствием и некоторой долей отрешённого остервенения.

В небольшой дозе данного лекарства нуждалась сейчас Катя, надеявшаяся на то, что поход в магазин поможет хоть немного успокоить расшалившиеся нервы.

Она быстро вошла внутрь, схватила красную, видавшую виды корзину и прошла в зал.

— Так, подсолнечное масло, две бутылки, — делала подсчёт женщина. — Пачка йодированной соли. Так, можно ещё пакет сахара взять на всякий случай. Докторской колбасы.

Корзина сразу же потяжелела.

— Ах да, молоко обезжиренное не забыть бы тёте Нюре купить, — в корзину проследовал литровый пакет.

— Кажется, всё, — подумала Катя и встала в очередь к кассе.

В магазине было шумно, вдоль расставленных прилавков с товарами сновал самый настоящий муравейник людей, закончивших трудовой день вместе с рабочей неделей и ринувшихся сметать с полок продукты, чтобы запастись на два предстоящих выходных дня. Какого-то особого выбора в торговом зале не было, но ассортимент самых необходимых товаров или товаров первой необходимости (это уже как кому будет угодно называть) был здесь представлен сполна. Люди разговаривали, отрывали целлофановые пакеты, шаркали ногами, двигали скрипучими железными телегами и стучали пластмассовыми корзинами, шуршали всевозможными упаковками. В зале гудели кассовые аппараты, издавая привычные громкие попискивания при считывании очередного штрих-кода. Открывались и закрывались ящики касс, и шуршали пересчитываемые купюры. Скрипели и хлопали входные двери, да вдобавок ко всему из полуразвалившегося радиоприёмника с потрескиваниями и дребезжанием во все стороны разливалась ненавязчивая глупая песенка недавней

выпускницы фабрики звёзд.

В направлении касс стояли внушительные очереди из успевших отовариться покупателей. Катя выбрала ту, что была поменьше, и стала ждать своего звёздного часа, медленно продвигаясь с корзиной к желанному выходу. Шоппинг закончился, осталось только расплатиться, а потому в голову снова вернулись беспокойные нерадостные мысли. Катя попыталась от них избавиться, но у неё ровным счётом ничего не получилось, а виной всему был муж, её ненаглядный Василёк, как она ласково его называла. В его поведении произошёл какой-то надлом: он стал чересчур замкнутым и нелюдимым, и в последние дни это стало особенно заметно.

Катя всё чаще вспоминала, как три дня тому назад она пришла домой и застала своего мужа за компьютером. Он тогда никак не прореагировал не её приход, как будто бы и вовсе не слышал ни её шагов, ни её голоса.

— Привет, Василёк!

— Привет, — бросил супруг ей в ответ, даже не обернувшись.

Было очевидно, что он настолько погружён в свои мысли, что мир вокруг перестал для него существовать. Катя вернулась в коридор, сняла сапоги и пальто, убрала шапку на вешалку и снова, чем можно тише, зашла в комнату: муж по-прежнему сидел перед монитором и тупо таращился на экран.

— Как дела, Василёк? — ласково спросила жена, но он

снова никак не прореагировал, а лишь закрыл всплывшее на мониторе окно какого-то сайта и повернул голову к супруге.

— А, это ты. Давно пришла? — рассеянно спросил супруг и снова повернулся к компьютеру.

— Вот тебе и на! — подумала Катя, однако говорить ничего не стала.

Она впервые в жизни увидела у мужа такой взгляд — пустой, отсутствующий, как будто бы он сам здесь, а его душа так далеко, что до неё не достучаться и не дозваться. Перед Катей сидела самая настоящая мумия, и в это несомненно можно было бы уверовать, если бы она, это самая мумия, перестала бы дышать и двигаться.

— Ужас какой-то, — подумала женщина и вышла из комнаты, чтобы дать возможность своему дорогому успокоиться, взять себя в руки и вернуться в семью, как поговаривал небезызвестный персонаж.

— Подумаешь, потерял работу! — решила Катя. — С кем не бывает?

И правда, в этой стране оказией подобного рода удивить кого-либо вряд ли бы удалось, даже если сильно постараться в красочном изложении очередной душещипательной истории. Вот и её Василек, когда бесцветным голосом произнёс, что уволен (а это случилось именно три дня назад), Катя, конечно же, расстроилась, но не подала виду. Она, как могла, постаралась его успокоить и посоветовала для начала отдохнуть несколько дней, а потом уже приступить к поискам но-

вой работы.

— Ты ничего не понимаешь! — воскликнул тогда муж, непривычно повысив голос. — Пять лет, пять лет моего труда и моих сил, пять лет моих стараний и усилий, пять лет — и всё впустую! Да ладно, если бы просто уволили, по сокращению, например, я бы понял. Но обвинить меня в некомпетентности и полной несостоятельности, как инженера, — это выше моих сил.

2

Генеральный директор группы строительных компаний «Сигма» Власов Сергей Семёнович, самый главный босс и непосредственный начальник Василия, в недавнем прошлом был примерным партийным аппаратчиком обкома канувшей в лета коммунистической партии, и с гордостью в сердце и дрожью в душе носил у самого сердца партийный билет вместе со служебным удостоверением. Он был таким же, как и все те, кто рукоплескал озвучиваемым глупостям больших и маленьких вождей, громко пел большевистские песни и напивался до свинского состояния каждый раз, когда на всевозможных тусовках и сборищах произносили пламенные речи за родную партию и Ленинский комсомол. И хоть год от года на ниве однообразных будней Сергей Семёнович всё сильнее разрастался вширь, в большей степени в районе пупка и ягодиц, а его сальная физиономия по своей форме всё больше походила на тыкву, обильно смазанную салом потовых желёз, это не мешало ему мучить свой мозг извечным российским вопросом «Что делать?». Он так бы и продолжал безрезультатно насиловать серое вещество до самой пенсии, если бы не перестройка, да своевременное знакомство с нужными людьми, подсказавшими другой путь развития и самовыражения и доверившими в его руки немалые средства с одним условием — вернуть их до последнего рубля, когда

это потребуется.

У Сергея Семёновича от озвученных сумм и открывающихся перспектив зазвенело в ушах и зарябило в глазах, а потому, ни минуты не сомневаясь в правильности принятого решения, он согласился принять поистине царский подарок и дрожащей рукой поставил свою подпись в предложенном документе. Все знакомые долго потом удивлялись, откуда у бывшего голодранца появилось целое состояние с несметными сокровищами, позволившее резко поменять привычный образ жизни и наслаждаться её плодами на полную катушку.

Всё это было в диковинку, а потому Сергей Семёнович поначалу робел от одной только мысли, что он теперь супербогатей, а потом собрался с духом и неожиданно съехал из своей убогой двухкомнатной «хрущёвки» в огромную квартиру в самом центре города с потрясающим видом на реку Неву. Но это было только начало славных дел. Таращиться на благородное течение воды сквозь новомодные пластиковые окна, сидя на мешке с деньгами, пить чай с вишнёвым вареньем и выдыхать в приоткрытую форточку горький табачный дым, мучаясь от безделья, не входило в стройные планы бывшего партийца, а потому он решил действовать.

Деньги и связи, в которых у Власова не было недостатка, в короткие сроки помогли ему слепить частную компанию «Первый трест», активно включившуюся в процесс строительства новых домов и реставрацию старинных зданий. Буквально за несколько лет пробный экземпляр маленького

треста разросся до размеров огромной строительной компании с внушительным штатом сотрудников.

Сам Власов тоже преобразился. Он стал носить дорогие строгие костюмы и курить ароматные сигары. Его обувь, несмотря на ежедневные визиты на строящиеся объекты, всегда была начищена до зеркального блеска. Его новый чёрный джип беспроигрышно выделялся из общего потока машин не только внушительными размерами, но и навороченным тюнингом, скрывая за тонированными стёклами своего хозяина. Теперь каждый раз, проезжая по Невскому проспекту, Власов наблюдал сотни разных людей, брезгливо сравнивая их с собой, неизменно раскручивая своё собственное эго, вознося себя над толпой всё выше и выше. Он совершенно серьёзно считал всех вокруг махровыми недотёпами и врождёнными неудачниками, совершенно позабыв о том, что ещё недавно и сам был таким же. Власть и деньги решительно и бесповоротно делали своё дело, изменяя вместе с внешними атрибутами внутренний мир своего героя, а потому Сергея Семёновича со временем перестал мучить вопрос, за какие такие заслуги на его округлые плечи свалилось такое счастье?

— Я избранный! — считал Власов, закрывал при этом глаза, мысленно обращаясь к небесам, как будто бы и на самом деле имел прямую связь с богом.

Он обнаглел настолько, что абсолютно перестал стесняться своего хамского поведения на людях. Он с удовольствием

распекал своих работников по поводу и без, невзирая на их возраст, положение и былые заслуги. Злые языки поговаривали даже, что одного из своих секретарей Власов умудрился сначала довести до нервного срыва, а потом и вовсе до сумасшедшего дома. Но это были только слухи, ничем доселе не подкреплённые.

Не верил в эти слухи и Василёк, пока три дня тому назад не попал на ковёр к шефу, где мгновенно почувствовал себя, как в клетке с разъярённым диким зверем.

— Да ты понимаешь, что это из-за тебя акт сдачи объекта не подписан? — визжал, как кабан на бойне, Власов. — Тебе всего-навсего надо было вовремя отнести бумаги на подпись, а ты этого не сделал!

— Почему же не сделал, Сергей Семёнович? — пытался возразить Василёк. — Пятнадцатого сентября я сдал подготовленный в двух экземплярах акт секретарю Дмитрия Валентиновича.

— А почему же тогда занесённый и сданный тобой акт появился на его столе только двадцать пятого числа? — лицо Власова стало красным от напряжения. — Это как можно объяснить?

— Не знаю, Сергей Семёнович, — прошептал Василёк, внезапно потеряв голос от пронзившего его волнения.

— Да ты понимаешь, вообще, сопляк, что ты говоришь? — Власов буквально навис над Васильком и, казалось, что ещё минута, и он подомнёт его массой своего тучного тела.

— Если пятнадцатого ты отдал документы на подпись, то почему же их не было на этой самой подписи двадцатого числа? А? Это ты хочешь сказать, что Дмитрий Валентинович Самолепов совсем забыл про наш акт? Не заметил его в ворохе бумаг на столе? Да он мне лично позвонил и поставил перед фактом, что акта не было. Это как понимать?

— Но я сдавал, — опять, чуть дыша, пролепетал Василёк. — Сдавал пятнадцатого лично секретарю в руки.

— И ты это можешь доказать? — резко спросил Власов.

— Давайте спросим у секретаря, — робко предложил Василёк, ухватившись за эту идею, как утопающий за соломинку. — Она подтвердит.

— Уже спрашивал, и секретарша мне сказала, что ты, уважаемый, ни пятнадцатого, ни шестнадцатого, ни даже двадцатого числа ничего не сдавал, — сказал, как отрезал начальник.

Василёк по-настоящему остолбенел, не зная, как реагировать на такое заявление.

— Что застыл, как изваяние? — спросил Власов. — Ты понимаешь, что ты подвёл и меня, и себя? Хотя чёрт с тобой, если бы речь шла только о тебе одном. Но ведь ты ещё коекого подвёл, кого нельзя было подводить ни в коем случае. Ты дебил. И как я раньше этого не разглядел, ума не приложу? Мало того, что на работе у тебя огрехов, хоть отбавляй, так ты ещё и весёлую жизнь решил всем нам устроить, заборов сдачу объекта. Ты хоть понимаешь, какие это деньги?

Деньжищи! Мало того, что на твоих объектах масса недочётов и замечаний всегда, так ты ещё и общее дело решил завалить?

— Ничего я не заваливал, — снова заговорил Василёк. — А мои объекты всегда были самыми лучшими, и вы это знаете.

— Да ты ни черта не понимаешь и не понимал! — Власов ударил кулаком по столу. — Сколько мне за время совместной работы приходилось с тобой нянчиться! То ты раствором не доволен, то материалами, то квалификацией работников! А как ты хотел? Чтобы всё было идеально? Так не бывает. Мир несовершенен, к твоему сведению. Но я мирился с твоими капризами и шёл тебе навстречу, хотел помочь, чтобы у нас не было отстающих. Поэтому и лучшие работники были исключительно для тебя, и материалы — снова для тебя. Всё для тебя.

Василёк от этой тирады ещё больше опешил и окончательно растерялся. Ему вдруг даже показалось, что небо раскололось пополам вместе со всем миром, раз и навсегда разделившись на белую и чёрную его половину, в которой он и оказался. Василёк впал в ступор. Он вдруг понял, что его подставили нагло и бесцеремонно, обвели вокруг пальца, как мальчишку.

Он до самой последней минуты был лучшим, и кто, если не Власов, постоянно ему об этом говорил? С него брали пример, и даже приезжали с других объектов, чтобы пере-

нять передовой опыт. У него никогда не было ЧП, и за всё время работы никто из рабочих не пострадал, что было удивительно даже для опытных, видавших виды прорабов, прошедших, что говорится, огонь, воду и медные трубы. Да и пригласили его в эту компанию только исключительно благодаря хорошим рекомендациям с прежних мест.

Одним словом, всё рухнуло и обвалилось, как взорванное по всем правилам сапёрной техники здание, под обломками которого и оказался Василёк.

— Ты говоришь, что сдал акт пятнадцатого сентября? — повторил вопрос Власов. — А чем ты это сможешь доказать? Есть документальное подтверждение твоих слов? Ты же понимаешь, что слово к делу не пришьёшь.

— Так что, мне надо было расписку взять у секретаря о приёме документов? — уже ничего не соображая, спросил Василёк.

— Да, представь себе! Расписку! — Власов еле сдерживался, чтобы снова не обозвать своего работника. — А ты увидел бабу и растёкся, как сметана на блюдце.

— Ты вообще понимаешь, что надо делать запись в реестре, когда сдаёшь документ? — спросил Власов после короткой паузы. — Вот я тебе сейчас всё это рассказываю, а желания у меня такого нет. Зато есть другое: съездить тебе по физиономии. Иди, ты уволен. Сумму твоего долга я тебе сообщу дополнительно.

Сергей Семёнович проводил выходившего из кабинета

Акатова недружелюбным взглядом, а затем плюхнулся в мягкое кожаное кресло, как будто бы проверяя на прочность идеально отлаженный пружинный механизм. Перевести свой гнев на неодушевлённый предмет в этот раз не удалось.

3

После нелицеприятной беседы Василёк с трудом вышел из офиса. Ему казалось, что и на улице не хватает воздуха из-за внезапного спазма, схватившего грудь и сковавшего дыхание. Сердце билось, как шальное, а под ложечкой больно засосало.

Василёк стоял на гладких ступенях отполированного до зеркального блеска крыльца и дышал, как загнанная лошадь. Только что его обвинили в некомпетентности и полной несостоятельности, в халатности и ротозействе, а заодно, так, между прочим, поставили на счётчик, пока ещё даже не обозначив сумму долга, и выгнали с работы, оставив без средств существования.

— М-м-м, — застонал Василёк, схватившись ладонями рук за голову.

Он спустился с крыльца, дошёл до ближайшей скамейки и обессиленно присел на самый край. Надо было что-то делать, но что?

— Господи! — взмолился Василёк. — За что? За что?

Жуткая растерянность, сильное расстройство и бесконечные обрывки разносортных мыслей никак не давали даже малейшей возможности сосредоточиться на решении накативших, подобно снежному кому, неподъёмных проблем.

— Надо съездить к Самолепову, — решил Василёк — Я

же ни в чём не виноват! Ни в чём!

Теперь, чтобы разобраться во всём этом запутанном и зашедшем в тупик деле и доказать свою правоту, надо было взять себя в руки и немедленно ехать на другой конец города в кабинет высокого чиновника на приём.

Он поднялся со скамейки, вышел на обочину дороги и стал ловить машину, чтобы, чем можно скорее, добраться до места назначения. Давку в общественном транспорте он, вероятнее всего, не выдержал бы.

Василёк не догадывался, что за его действиями всё это время из окна своего кабинета внимательно наблюдал Власов. Потом, когда пойманная попутка увезла Василька с глаз долой, Сергей Семёнович снял телефонную трубку и набрал номер.

— Алё! Дмитрий Валентинович, я Вас приветствую. Это Власов, — чётко отрапортовал он невидимому собеседнику. — Вопрос с вашими комиссионными решается.

— Спасибо, Сергей Семёнович, — бодро ответил Самолепов. — Я в вас нисколько не сомневался. А акт ваш подпишем в следующем месяце. Это я обещаю, а также гарантирую всяческую поддержку ваших начинаний.

— Ну, это поистине императорская щедрость, — Власов непроизвольно осклабился, забыв о неприятной беседе, и если бы сам Самолепов не спросил его о Васильке, то разговор, по всей видимости, на этом бы и закончился.

— Надеюсь, виновник возникших затруднений наказан?

— прямо спросил чиновник.

— Ещё как наказан! — отрапортовал Власов. — Ещё как! Во-первых, он уволен, а во-вторых, предупреждён о том, что возмещать причинённый ущерб придётся именно ему.

— Это правильно, — согласился Самолепов. — Надо учить подобных разгильдяев, чтобы другим неповадно было. А то ведь сколько неприятностей из-за таких вот работников. Построже с ними надо, построже!

Они ещё поговорили пару минут о пустяках, а потом Самолепов, сославшись на неотложные дела, попрощался и первым повесил трубку. Неотложным делом оказался разговор со своим секретарём, женщиной Ириной, тридцати пяти лет от роду, хотя, надо отметить, что выглядела она моложе.

— Уволен твой домогатель, Ирочка, — как бы между прочим сказал Самолепов. — И я очень надеюсь, что ни ты, ни я его больше не увидим, во всяком случае, в этой жизни.

— Спасибо, Дмитрий Валентинович, — поблагодарила чиновника женщина. — Я у Вас в долгу.

— Я это учту, — Дмитрий Валентинович игриво заулыбался в предвкушении сладкого вечерочка и взглянул на часы, чтобы отметить про себя время, оставшееся до часа «Ч», когда он вместе с Ирочкой выйдет из кабинета, а потом они вместе погрузятся в его новенький «Mersedes», и шикарная чёрная машина с синим проблесковым маячком домчит своих пассажиров до квартирки в элитном доме, приобретённой Дмитрием Валентиновичем для подобных утех.

— Чтобы не было чужих глаз и лишних разговоров, — не уставал повторять Самолепов.

Купленная за очередной «откат» квартира представляла собой хоромы в триста пятьдесят квадратных метров и обошлась хозяину в «пару миллионов долларов», как он любил выражаться. Её достоинством были три богатые спальни и три ультрамодные ванные комнаты.

— Бог любит троицу, — поговаривал без устали Самолепов, лапая Ирочку за все места, когда они оставались наедине.

Та не сопротивлялась, напротив, секретарша, как опытная обольстительница, угадывала любое желание своего господина и повелителя, а потому не переставала его удивлять своей глубокой проницательностью и умением доставлять удовольствие.

— Мой пупсик, — томно вздыхала она. — Какой ты сегодня красивый! А какой неутомимый, как необъезженный мустанг.

И Дмитрий Валентинович верил, как ребёнок, в эти её слова, считая себя непревзойдённым и опытным партнёром. Только вот в толк никак не мог взять, что это была лишь лесть, самая обыкновенная банальная езда по ушам с одной единственной целью — быть незаменимой и всегда желанной. Самолепов хотел этих слов, горячих признаний, жарких пламенных эпитетов, и получал их сполна, принимая всё адресованное ему за чистую монету. Именно поэтому Ирочке

удавалось крутить этим стареющим олухом так, как она того желала. Ему даже стало казаться, что ей уже никого больше не надо, что он у неё один, и что она мечтает только об одном: не делить его ни с кем, даже с законной супругой. Самолепов стал мучиться этой мыслью, и хотя эта мука была сладкой, но всё-таки это была мука, самая настоящая, заставлявшая кипеть кровь и учащённо биться сердце, чтобы разогнать эту кипящую кровь по жилам. Развестись с женой он не мог по целому ряду причин, а потому разрывался между любовью и ненавистью, страстью и привычкой, новыми острыми ощущениями и обязательной повинностью, искренне не понимая, что всё это всего-навсего игра собственного воображения и последствия излишнего самовнушения. И если бы он хоть на минуту взглянул на тупиковую ситуацию со стороны, то сразу бы разобрался в ней без посторонней помощи. Но он не мог этого сделать, потому что был во власти дутых надуманных чувств, приход которых был неудивителен в пору седины в бороду. Однако Самолепов не хотел признавать подобного неумолимого факта, относясь к категории редких упрямцев, всегда считавших себя восемнадцатилетними пацанами. Как сказала бы его давно почившая тёща, которую он по-настоящему уважал и даже немного побаивался при жизни:

— Каждый по-своему сходит с ума! Вот и ты, Димочка, вот и ты.

— А что я? — удивлённо спрашивал Самолепов. — Я, как

все.

— В том-то и дело, что тебе нельзя, как все, — поучала тёща своего немолодого зятя. — Положение обязывает и не позволяет тебе опускаться до уровня толпы. А ты всё забываешь, кто ты есть на самом деле. Ты же на виду, а ведёшь себя порой, как безмозглый баран.

Если бы кто-либо другой адресовал ему такие слова, то последствия для оппонента, безусловно, оказались бы самыми плачевными. Но тёща была исключением из этого жёсткого правила, а всё потому, что именно ей принадлежала заслуга в продвижении по службе своего безродного зятя. Он этого никогда не забывал, и до самой её смерти называл мамой и обращался исключительно на «Вы». Быть может, и сейчас, в тяжёлый период безнадёжной влюблённости она смогла бы найти лекарство против этого недуга и вылечить зятя, открыв ему глаза на хитрую стерву, именуемую Ирочкой.

Дмитрий Валентинович и раньше увлекался барышнями, особенно теми, которые были помладше его, но каждый раз романтические приключения заканчивались без особых потерь. Самолепов совсем не мучился, снедаемый пламенными чувствами. Это больше походило на спорт, коллекционирование, своеобразную филателию, где вместо марок выступали конкретные женщины. И все они теряли свою значимость и стоимость, как те самые марки после погашения. Одна, максимум две встречи в уютном гнёздышке, и дамы

слышали холодное «до свидания», режущее больнее дамасской стали.

С Ирочкой же получилось как раз наоборот, а всё потому, что искусством укрощения мужчин она владела в совершенстве и пользовалась этим умением на сто процентов. Она не была красавицей, но свои достоинства умела держать на виду и кокетливо их подчёркивать, придавая всему своему поведению пикантный изыск и шарм.

Клюнул на это её искусство и Самолепов, который, сам того не ожидая, попался в липкие прочные сети, умело расставленные опытной охотницей.

На самом деле, ничего удивительного в произошедшем не было, да и не могло быть, потому как после ухода незабвенной тёщи в мир иной, у великовозрастного, а вместе с тем, высокопоставленного проходимца не стало тормозов. Жена в счёт не шла. Женился он на супруге, когда был совсем молодым, вляпавшимся в скандальную историю. И если бы не связи и положение будущей второй мамы, то о карьере, а, вполне возможно, и о свободе пришлось бы позабыть, причём о свободе на некоторое время, а о карьере навсегда.

Тёща тогда не торговалась. Она крепко взяла будущего зятя за рога и препроводила в уготованное специально для него стойло, именуемое супружеской жизнью.

— Была бы я помоложе лет эдак на тридцать, то жениться пришлось бы на мне, — тёща громко рассмеялась своей удачной шутке. — А так, живите уж. Только вот, Димочка,

никогда не забывай, кто ты, и кто я, для чего ты здесь, и кому ты всем этим обязан.

Отмазанный по полной программе от тюрьмы зять согласно закивал головой. Но это было тогда, было давно и успело зарасти бурьяном, как неухоженная тропинка на заброшенной даче.

Теперь же своей супруги Самолепов не опасался. Да и что могло сделать это чудо в бигудях и домашнем халате? Если любимая тёща обладала железным характером и несгибаемой волей, как крутой мужчина, то вот супруга Дмитрия Валентиновича, проходившая всю свою жизнь в розовых очках, была эталоном невинности и детской наивности. Даже походка её и та была чересчур мягкой и осторожной, а все жесты плавными и неспешными. Доминантой её поведения было совершенно удивительное неумение злиться, и, кроме того, в своём супруге женщина души не чаяла и всецело ему доверяла, чем Дмитрий Валентинович весьма успешно пользовался.

— Я в командировку на три дня, — заявлял он жене и на все выходные погружался в разврат и пьянство.

— Хорошо, — соглашалась супруга. — Во вторник будешь?

— Да, вечером, как только приеду.

Она даже не спрашивала, куда именно направился её благоверный на этот раз, и даже не звонила ему на мобильник, потому что он так просил.

— Зинуля, я тебе сам позвоню, когда буду посвободнее, — слышала она одну и ту же фразу на протяжении многих лет.

Вот и в эту пятницу Самолепов планировал исчезнуть на целых три дня, аж до понедельника, и, отключив телефоны, наслаждаться страстным уединением со своей любимой женщиной, как он называл Ирочку. Томное ожидание чуда прервала резко открывшаяся входная дверь в кабинет.

— Он пришёл, — тихо произнесла неожиданно появившаяся в дверном проёме секретарша.

— Кто это он? — в замешательстве спросил Самолепов, немало удивившись внезапному вторжению в его пенаты без вызова, хотя Ирочке это позволялось.

— Ну, этот, домогатель, — продолжила Ирина.

— И у него хватает наглости являться сюда снова? — чиновник быстро взял себя в руки. — Я же сделал всё, чтобы никогда его не видеть, чтобы он не потревожил ни тебя, ни меня. Так ему мало?

— И где он сейчас? — Самолепов задал следующий вопрос, весь вне себя от охватившего негодования.

— Внизу на проходной, — ответила секретарь. — Пытается пропуск оформить.

— Пропуск? — если бы Дмитрий Валентинович был паровозом, то немедленно выпустил бы высоко в небо целый столб горячего белоснежного пара. — Но это уж дудки!

— Охрана! — громко позвал он служащих в униформе,

как будто мог докричаться сквозь толстые каменные стены, а затем, нажав на кнопку на пульте селектора громкой связи, повторил снова. — Охрана!

Сам старший сегодняшней смены примчался на дикий зов рассвирепевшего руководителя такого высокого ранга.

— Значит так! — с надрывом, задыхаясь от переполнявших его чувств, чиновник высказал собственное «фи» в адрес службы безопасности.

— У нас тут что? — вопрошал он гневно. — Проходной двор или государственное учреждение?

Опешивший охранник, старший сегодняшней смены, застыл в позе бультерьера, готовый вцепиться мёртвой хваткой в кого угодно, руководствуясь наивысшим приказом. Его недоумение диктовалось исключительно неясностью поставленной задачи. Он уже успел беглым взглядом окинуть кабинет и приёмную, но ничего подозрительного ни там, ни тут не обнаружил.

— Это почему же кто попало может выписать себе пропуск и проникнуть с его помощью, при полнейшем попустительстве со стороны охраны ко мне на этаж? — скороговоркой выпалил Самолепов. — Как это вообще такое возможно?

— А кто проник, Дмитрий Валентинович? — удивился охранник. — Я тут никого, кроме Вас и вашего секретаря не вижу.

— В том-то и дело, что пока не проник, но собирается, — начал высказывать своё опасение Самолепов. — Там, внизу,

на проходной.

— Этого не может быть, — старший смены отрицательно покачал головой. — Без заранее утверждённого списка даже мышь не проскочит!

— Без списка, говоришь, даже мышь? — уточнил чиновник.

— Так точно! — заверил старший смены. — Даже мышь.

— Это хорошо, — согласился Самолепов. — Вот что, любезный, ты уточни, есть ли на сегодня в списке господин Акатов? И если есть, то из списка вычеркнуть, пропуск не давать ни под каким предлогом! Только быстро, быстро, а то ведь всё может быть, любой казус из-за нашей бюрократии.

— Есть! — снова по-военному молодцевато выкрикнул охранник и исчез за дверями со скоростью болида «Формула 1».

— Тупой, но исполнительный, — подумал Дмитрий Валентинович. — Это хорошо. Такие бараны нужны, особенно сейчас.

Он перевёл взгляд на Ирочку, застывшую возле входной двери в ожидании развязки щекотливой ситуации, возникшей во многом именно из-за неё.

4

Ирочка хорошо помнила тот сентябрьский день, когда на пороге приёмной впервые появился высокий симпатичный мужчина с аккуратно зачёсанными светлыми волосами и голубыми, как безоблачное ясное небо, глазами.

— Добрый день! — поздоровался незнакомец.

— Добрый день! — ответила секретарь и вдруг почувствовала, что её как будто бы ударило током: так ей понравился визитёр.

— Вы не подскажете, Дмитрий Валентинович у себя? — вежливо уточнил прибывший посетитель.

— Какой красавец! — не могла не отметить про себя Ирочка.

— Вы присядьте пока в кресло, — голос секретаря нисколько не выдал появившегося в душе волнения. — Дмитрий Валентинович сейчас занят и просил его не беспокоить минут пятнадцать.

Это была уловка, маленькая женская хитрость, позволившая внимательно рассмотреть нового посетителя, усевшегося в кресло и терпеливо ожидавшего приглашения на аудиенцию. Ирочка, постепенно успокоив разгоревшиеся чувства, украдкой рассматривала понравившегося мужчину с ног до головы, от начищенных до зеркального блеска туфлей до бездонных голубых глаз, и вскоре пришла к выводу, что бы-

ла бы не против встретиться с ним в более непринужденной обстановке и познакомиться, что говорится, поближе. Сидевший напротив мужчина как раз вписывался в образ идеального партнёра, нарисованный Ирочкиным воображением, и как только реальный персонаж совпал с вымышленным, Ирочка уже ничего не могла поделать с проснувшимся желанием. От рокового шага к непристойному предложению удерживало только нахождение на рабочем месте, открытая дверь из приемной в коридор, где на мягком диване вполголоса вели разговор двое сотрудников, да присутствие за стеной шефа, который мог некстати выйти из своего кабинета в любую минуту. Ирочка от расстройства прикусила губу.

Выждав положенные пятнадцать минут, женщина снова обратилась к посетителю:

— Попробую связаться с Дмитрием Валентиновичем. Быть может, он уже освободился.

Она сняла телефонную трубку и нажала клавишу вызова.

— Дмитрий Валентинович, к Вам посетитель, — доложила она шефу, а затем, аккуратно прикрыв микрофон трубки, обратилась к гостю. — Как вас представить?

Мужчина оживился и, немного смутившись, сказал:

— Моя фамилия Акатов. Я от Власова Сергея Семёновича, фирма «Стройинвестпром».

Секретарь мелодичным голосом передала информацию шефу и, тут же повесив трубку, мило улыбнулась:

— Проходите, пожалуйста. Дмитрий Валентинович Вас

ждёт.

— И всё-таки он — очаровашка, — у женщины, провожавшей взглядом нового знакомого, не было в этом даже тени сомнения.

И пока тот был на приёме у Самолепова, она успела придумать целый план, чтобы завязать знакомство и довести его до логического завершения. Весь организм Ирочки буквально надрывался от крика и требовал обязательного развития и продолжения new love story. Поэтому, когда открылась дверь кабинета, и из неё вышел господин Акатов (Ирочка предусмотрительно записала его фамилию в свою записную книжку), секретарь с деловым видом попросила у него контактные телефоны, рабочий и мобильный.

— Так положено. — объяснила она гостю. — Дмитрий Валентинович может запросить эту информацию в любой момент.

Василек безо всякой задней мысли чётко продиктовал тот и другой и ретировался, выйдя из приёмной. Ирочка зафиксировала оба номера, а потом с трудом дождалась окончания рабочего дня, чтобы позвонить Василию на мобильный телефон.

— Алё, это господин Акатов? — по-деловому спросила она, когда абонент снял трубку и ответил. — А это Вас беспокоят из приёмной Самолепова Дмитрия Валентиновича. Проверка связи. Только что вспомнила ваш визит и решила проверить, правильно ли записан ваш номер телефона. Вы

так быстро покинули наш офис, что я даже не успела проверить номер сразу.

Ирочка столько страсти и загадочности вложила в свой голос, что, естественно, ожидала немедленного отклика на крик собственной души, и была крайне удивлена, когда такового не последовало. Василёк даже не удивился её звонку, не обрадовался, не разозлился, не сменил официально-вежливый тон на более игривый. Более того, он не прореагировал никак! А это уже говорило только об одном: он оставался равнодушен к ней! Она не оставила и мизерного следа в его сердце, не вызвала даже малейшего трепета в его душе!

— Какое безобразие! Нахал! — воскликнула бы воспитанная дама благопристойного девятнадцатого века, и её щёки успел бы залить румянец стыда и неловкости.

Ирочка же совершенно не относилась к той категории людей, которые краснеют и смущаются из-за подобных пустяков и отступают просто так и без борьбы, особенно за понравившегося мужчину, за его внимание к себе любимой. Для Ирочки это была даже не борьба, а война, священная и беспощадная, война, в которой все средства хороши.

— Ну что же! — решила тогда женщина. — Придёшь ты ко мне ещё раз! А там посмотрим, чья возьмёт.

Её мысли говорили ещё и о том, что сегодня было задето Ирочкино самолюбие. Незнакомец, сам того не ведая, наступил на больную мозоль. А то, что господин Акатов женат вот уже много лет, а у самой Ирочки есть богатый и могуще-

ственный любовник, а по совместительству (так уж распорядилась жизнь) и её непосредственный начальник, в данной ситуации не имело никакого значения, хотя этот начальник, её босс, мог запросто раздавить любого, отравить его жизнь, сломать его судьбу, если, конечно же, пожелал бы. Ирина и сама могла бы поплатиться за своё легкомыслие, но любовь бывает слепа и безрассудна. К тому же Ирочка подобной мести не опасалась, потому что надеялась на то, что непосредственно ей ничто не угрожает, во всяком случае, сейчас, когда её шеф без ума от собственного секретаря и чувствует себя, как школьник на первом свидании с одноклассницей.

Ирочка решила действовать, а потому на следующий день снова позвонила Акатову на мобильник:

— Алё! Добрый день, Василий Николаевич! Это Вас снова беспокоят из приёмной Дмитрия Валентиновича.

— Добрый день! — поздоровался Василёк. — Чем обязан?

— Для Вас есть кое-какая информация от самого, и мне поручено её Вам передать. — соврала Ирина.

— Хорошо! — ответил Акатов. — Я могу через час подъехать к Вам в офис.

— Не стоит! — прервала его Ирина. — Это не совсем удобно, потому что я буду занята до самого вечера. А вот в восемнадцать часов мы могли бы встретиться у метро «Маяковская», прямо на входе, у барельефа поэту. Вы знаете это место?

— Конечно же, знаю. — подтвердил Василёк.

— Значит, ровно в восемнадцать. — произнесла Ирина. — До встречи.

Она повесила трубку, а затем, улучшив момент, сообщила шефу, что обстоятельства заставляют её закончить свой рабочий день немного раньше, и если уважаемый Дмитрий Валентинович не возражает, то она хотела бы покинуть сегодня офис всего-навсего на полчаса раньше обычного.

— Мне к врачу, дорогой. — заговорщицки шепнула она Самолепову на ушко, как будто бы именно в эту минуту их прослушивали, как самых настоящих шпионов. — Но не бойся, ничего страшного. Просто плановый визит.

— Так, быть может, машину возьмёшь? — заботливо поинтересовался шеф.

— Да нет, на надо. Не беспокойся. На метро быстрее и удобнее будет, — заверила Ирочка, честно и невинно глядя на босса. — Я всё рассчитала.

Рассчитала, да не всё, потому что на женские уловки, капканы и умело расставленные силки, её новая жертва господин Акатов не клюнул. Более того, как показалось Ирине, он и вовсе не понял смысла встречи. Информацию, которую сообщила секретарь большого начальника, к разделу секретной не относилась, а потому её совершенно спокойно можно было передать по телефону. Она состояла всего из нескольких слов, сбитых в простую фразу:

— Мы ждём ваши документы через неделю.

И из-за этой глупейшей информации, которую Акатов знал и так, и была организована эта встреча? Оставалось только недоумённо пожать плечами и развести руки в стороны.

И всё же эта маленькая нестыковка, этот лёгкий, почти невесомый, хотя и такой заметный, казус, нисколько Ирину не смутил. Она тут же, невзирая на условности, предложила Акатову её проводить «хотя бы немного, совсем чуть-чуть».

— Вы ужинали? — поинтересовалась она у Василька уже на ходу. — Я ужасно голодна, потому что сегодня даже не успела пообедать. Вы не против составить мне компанию? Здесь недалеко есть довольно уютное кафе.

Василёк согласился, и уже через десять минут, оставив в гардеробе верхнюю одежду, они сидели за небольшим прямоугольным столиком в кафе «Rainbow» в ожидании парочки салатов «Оливье», двух порций котлет «По-киевски» и двух бокалов чешского пива.

В кафе тихо звучала музыка, плавно разливаясь во все стороны стройными аккордами и настраивая посетителей на романтический лад, и всё же Ирочке надо было приложить немало стараний, чтобы отвлечь своего хмурого спутника от мыслей о работе и перестроить всё его внимание на интимную составляющую предстоящего вечера. У Ирины было огромное желание довести Василька до нужной кондиции, потому она решила внести некоторую коррекцию в заказ и попросила дополнительно принести двести граммов водоч-

ки, потом ещё двести, и в результате до нужной кондиции дошла сама, незаметно для себя переместившись в состояние вязкой речи и глупых улыбок.

Проснулась Ирина на следующее утро в гордом одиночестве в своей постели и долго не могла понять, состоялось ли вчерашнее приключение наяву, или это был просто сон, яркий, цветной, но такой реальный?

«Так значит, это был всего лишь сон! Вещий сон», — решила женщина и стала торопливо собираться на работу.

Завтракать не хотелось, поэтому чашка крепкого кофе вполне удовлетворила скромный аппетит. Наложенный макияж и создание в домашних условиях чудного образа женщины-вампа заняли гораздо больше времени и сил, чем обычно. И если кто-либо говорит, что женщина при любых обстоятельствах может вершить два дела одновременно, не верьте. Этим ранним утром у Ирочки даже одно дело получалось из рук вон плохо, а потому она выскочила из дома несколько расстроенная тем, что идеальный Make up сегодня не удался: глаза не должны так разбегаться!

— Докрашусь потом, — сказала себе женщина, и всю дорогу до офиса спорила сама с собой, наложить ли сегодня больше теней или, наоборот, оставить всё, как есть, и только слегка подвести брови?

Утренний бег с препятствиями в виде бесконечной толпы пассажиров, сопровождавших Ирочку всю дорогу, разрумянил её щёки и вдохнул уверенность в проснувшееся со-

знание. Сильно краситься не пришлось, и женщина только слегка подретушировала брови, да поправила ресницы тушью «Volume Express», отчего взгляд получился глубоким и проницательным, чего не мог не заметить пришедший на службу Дмитрий Валентинович.

— Доброе утро! — поздоровался он с секретарём, а потом страстно добавил. — Ты очаровательна, моя прелесть! Какие планы на вечер? Быть может, сегодня поедем ко мне?

— Я бы с удовольствием, Димочка, — проворковала барышня, — но мне сегодня надо к врачу. Ты меня не отпустишь на полчасика пораньше?

Тут она заметила странное выражение лица начальника, пришедшее на смену предыдущему.

— О! — воскликнула Ирочка. — Да не волнуйся ты так! Ничего серьёзного. Так, по женской части. Плановый осмотр, так сказать.

— Но он же был вчера! — удивлению и возмущению шефа не было предела. — А вчера тогда ты куда отпрашивалась? Куда ходила, оставив меня скучать до самого утра?

— Вчера? — задумавшись, нараспев произнесла Ирина.

Мысли путались и сбивались в одну огромную кучу так, что отыскать кончик нужной нити, за которую можно было ухватиться и потянуть, чтобы распутать весь клубок, не представлялось возможным. Ирину слегка качнуло и повело вперёд так, что она чуть было не упала, и если бы не вовремя подставленные руки Самолепова, это бы непременно про-

изошло. Зато от дальнейших загадочных расспросов Ирина была избавлена.

— Да что с тобой? — участливо спросил чиновник. — Ты прямо какая-то не своя со вчерашнего дня. Может, специалист, к которому ты собираешься, недостаточно квалифицированный?

Он бережно усадил женщину в кресло и спросил:

— Может быть, водички?

Ирочка кивнула в ответ.

— Сейчас налью, сейчас, — шеф метнулся в кабинет к кулеру.

Двух глотков холодной воды было недостаточно, чтобы воскресить воспоминания о вчерашнем дне: его Ирочка совершенно не помнила, как будто бы неведомый шутник начисто их стёр для каких-то своих, только ему ведомых целей.

— А может, я сплю? — спросила женщина сама себя. — Тогда это не самый удачный сон. И лучше бы я оказалась в объятиях Василия Николаевича, чем в кабинете этого эксцентричного сумасброда.

Ирочка с силой ущипнула себя за ногу.

— Ай! — вырвалось у неё непроизвольно.

— Ириша, девочка моя, точно врач не нужен? — снова участливо поинтересовался Дмитрий Валентинович. — Ты только скажи.

— Не нужен. Точно не нужен. — Ирочка мило улыбнулась и взяла Самолепова за руку, хотя далось ей это действо

с превеликим трудом.

Она, наконец, вспомнила, как вчера отпрашивалась у шефа, как торопилась на спонтанно выдуманный приём к врачу, только вот вспомнить, что было потом, никак не удавалось, а точнее, весь вчерашний вечер, как корова языком слизала.

— Ладно, — решила женщина. — Для начала надо усыпить бдительность этого болвана, а потом позвонить Акатову. Боже, как я хочу его видеть!

Ирочка даже немного испугалась своего порыва, тем более что ей показалось, что последняя фраза была произнесена вслух. Но всё было спокойно, и Самолепов никак не прореагировал.

— Мне уже лучше, — проворковала секретарь. — И если ты не против, я приступлю к разбору поступивших писем.

Самолепов кивнул, очевидно, не смея возражать.

А к обеду и вовсе всё успокоилось, и появилась возможность для осуществления задуманного. Женщина дождалась удобного момента и набрала номер Василия.

— Алё! Василий Николаевич? — спросила Ирочка, когда на другом конце далёкого соединения сотовой сети ответил господин Акатов. — А это Вас из приёмной Дмитрия Валентиновича Самолепова беспокоят.

— Добрый день, — поздоровался Василёк. — Чем обязан?

— Дело в том, что у меня для Вас есть кое-какая инфор-

мация, которую я могу передать только при личной встрече, — отрапортовала Ирочка.

Возникла неловкая пауза, причину которой Ирочка понять не могла. Ожидавшая благодарности и вполне естественных вопросов, секретарь большого чиновника не понимала, почему на том конце далёкого или нет, просто удалённого соединения сотовой сети её долгожданный абонент молчал.

— Алё! — произнесла женщина. — Вы меня слышите?

— Если мы снова на «Вы», тогда извольте: слышу, — подтвердили в трубке.

Ирина не поняла намёка, а потому, неспокойно выдохнув, продолжила:

— Так как насчёт встречи? В шесть вечера на станции «Маяковская» у барельефа поэту Вам будет удобно?

— Удобно, если это не шутка, — ответил Василёк.

— Ну какие тут могут быть шутки, когда дело не терпит отлагательства? — удивилась Ирина.

— Позвольте тогда уточнить, — поинтересовался Василёк, — вы мне хотите сообщить, что ваш шеф будет ждать меня со всеми необходимыми документами в понедельник?

— Откуда он знает? — удивившись, подумала женщина, а вслух заявила. — Да, эта информация и не только.

На самом деле, добавить было нечего, и Ирина делала всё возможное и невозможное, чтобы сегодня ровно в восемнадцать ноль-ноль встретиться с господином Акатовым, с этим

полевым васильком с голубыми глазами, как она успела его окрестить, непременно встретиться. Так малые дети хотят получить в подарок понравившуюся игрушку, таращат глазки и тянут ручонки, не в силах совладать со своими чувствами.

Без одной минуты восемнадцать Ирочка вошла в вестибюль станции метро «Маяковская» и к своему удовольствию обнаружила Василия Николаевича прямо у памятника поэту. Мужчина был безупречен, а может быть, Ирочке это только показалось, потому что страстная, пламенная любовь слепит даже искушённых и видавших виды людей, приписывая предмету любви все мыслимые достоинства, рисуя его самыми яркими и сочными красками, оставляя в тени незамеченными даже явные изъяны и недостатки. Наверное, Купидон первую свою стрелу пускает всё-таки не в сердце, а в голову бедняге, заставляя потерять рассудок, а заодно аппетит и сон. Вот и на этот раз маленький, пухлый, розовощёкий лучник метко выстрелил именно в голову Ирины, а потом скрылся из виду и, никак себя не обнаруживая, с неподдельным интересом наблюдал за тем, как развиваются события далее.

— Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, — рассуждала Ирина и хотя сама есть совершенно не хотела, предложила Василию пройти в ближайшее уютное кафе, где можно было обо всём поговорить.

— У Вас для меня какая-то новая информация? — по-

интересовался Василёк, когда они вдвоём расположились за небольшим столиком в томном полумраке и ждали заказанный ужин.

— Да, конечно, — Ирочка согласно кивнула. — Дело в том, что все необходимые документы мы ждём от Вас в понедельник. К понедельнику успеете?

— Успею, если только не буду каждый вечер засиживаться в ресторане допоздна, — ответил Василёк и внимательно посмотрел на собеседницу.

— Каждый вечер? — спросила та в ответ. — И вчера Вы тоже были в кафе?

Ирочка не могла не заметить, что Василий как-то странно на неё посмотрел и усмехнулся, немного скривив губы.

— Это ещё что значит? — удивилась женщина, прекрасно осознавая, что подобными усмешками награждают не вполне здоровых людей.

В иной ситуации обидчику такое поведение не сошло бы с рук, но здесь был тот редчайший случай, именуемый исключением из правил. Именно поэтому Ирина легко совладала с собой и сделала вид, что и вовсе не заметила издевательского выражения и продолжила, как ни в чём не бывало:

— А в каком ресторане Вы вчера были?

— Rainbow, — услышала она в ответ.

— А с кем? — вырвалось у неё помимо воли. — Извините за вопрос. Можете не отвечать.

— Но почему же? — заговорил мужчина. — Я Вам скажу,

с кем я был. Не буду делать из этого никакого секрета.

— Только вот скажите мне, пожалуйста, ответьте на мой вопрос, — попросил он, а, получив согласие, спросил. — А у вас не бывает ощущения дежавю?

— В каком смысле? — удивилась женщина.

— Да в самом прямом, — выдохнул Василёк. — Или это у вас игра такая в стёртые воспоминания?

— Начнём по порядку, — продолжил он, в очередной раз поймав недоумённый взгляд женщины. — Я ведь не случайно заговорил про дежавю. Вы мне можете рассказать, что вы делали вчера?

— Вчера? — снова удивилась Ирочка и тут же про себя подумала. — Странное совпадение. Ведь именно вчерашний день интересовал и моего шефа. Он сегодня тоже смотрел на меня, как баран на новые ворота, когда расспрашивал. Они что, сговорились?

— Вчера был обычный день, — медленно начала Ирина, вспоминая суматошное утро, толчею в транспорте и возню до обеда в офисе.

— А ещё я о тебе думала, болван ты этакий. — подумала женщина. — А вот сейчас не пойму, почему ты ко мне прицепился с этим вопросом?

— Да, день был, как день, — кивнула Ирина. — Ничего особенного. Работа, рутина и куча офисной макулатуры, которую надо было перебрать и рассортировать вот этими самыми ручками.

Женщина подняла руки до уровня лица и, повернув ладонями к себе, пошевелила пальчиками. Кольцо с дорогим бриллиантом, надетое на безымянный палец левой руки, переливалось холодным сиянием в мерцающем свете горевшей на столике свечи.

— Ну хорошо, это было до обеда, — согласился Василёк с такими доводами. — А что было потом?

— А потом рабочий день продолжился, — парировала Ирина, внезапно поймав себя на мысли, что вот именно вторую половину она помнит смутно.

У неё даже сложилось впечатление, что Василий Николаевич прав, что именно вторая половина, как он выразился, была начисто стёрта из воспоминаний.

— А что вы делали после работы? — задал свой следующий вопрос Василёк. — Скажем, так это в шесть вечера?

Ни в шесть, ни в семь, ни в восемь часов Ирина себя не помнила.

— Что за чёрт? — не переставала удивляться женщина. — Этого не может быть!

Как ни силилась Ирочка, однако припомнить события вчерашнего вечера так и не смогла. Как говорят актёры в таких случаях: надо делать хорошую мину даже при плохой игре, чем и пришлось заняться секретарю большого чиновника. Она вымученно улыбнулась.

— Вчера вечером, — Ирина не сводила взгляда с Василия, наблюдая за тем, как он реагирует на её повествование,

— я плохо себя почувствовала, а потому просто решила пораньше лечь спать.

Неубедительно это всё прозвучало из её уст, да и Василий Николаевич явно в придуманную на ходу сказку не поверил.

— Ну и что с того, что я не помню вчерашний вечер? — подумала Ирина.

— Любезный! — обратилась она к официанту, щёлкнув пальцами, как заправская помещица Салтычиха, явно давая понять, что её приказание должно быть исполнено точно и в срок. — Будьте добры двести граммов водочки. Только холодной.

— Сейчас мы примем по пятьдесят граммов, и я непременно вспомню весь вчерашний вечер, — пообещала женщина. — И если так уж вам угодно, то пытайте меня, сколько хотите, только не до смерти.

К тому времени несколько глотков чешского пива возымели должный эффект, ударив хмелем в голову, заставили зарумяниться щёки и заблестеть глаза. Нахлынувшая волна хорошего настроения развязала женщине язык и сузила рамки приличия, тем более что напротив Ирочки сидел самец, которого она страстно желала.

— Я где-то слышала, что если употреблять спиртное на повышение градуса, как мы сейчас, и пить после пива водку, то всё будет нормально, — Ирина засмеялась.

— Я пью, мне всё мало, уж пьяною стала, — пропела женщина. — А Вы слышали эту песню? Когда-то она мне не нра-

вилась, ну ничуточки! А вот теперь нравится!

— Конечно же, слышал, — утвердительно ответил Василёк. — И раньше, и даже вчера. Вечером. После шести.

— Интересно, где? — Ирочка не переставала улыбаться, настроившись на игривый лад.

— Скажу Вам честно, как на духу, — при начинающемся признании Василия Ирочка буквально превратилась в слух. — В ресторане «Rainbow». В эксклюзивном, так сказать, исполнении и исключительно для меня.

— Не может быть! — удивлению Ирочки не было предела. — Надо же, все ваши женщины поют Вам одну и ту же песню.

— Я и сам этому удивляюсь, — согласился Василёк. — А сейчас не на шутку встревожен тем, что практически со стопроцентной гарантией могу спрогнозировать будущие события.

— Да? Ну надо же! И что же вскоре произойдёт? — Ирочкин вопрос как будто бы застыл, зажатый с двух сторон любопытством и сомнением.

— Совсем скоро в графине закончится водка, и вы закажете ещё. — как по волшебству у столика появился всё тот же услужливый официант с небольшим стеклянным графином округлой формы и аккуратным отточенным движением налил спиртное в приготовленные рюмки.

— Приятного аппетита, — пожелал он клиентам и так же тихо и незаметно удалился.

— Всё может быть, — Ирина подняла свою рюмку. —

Предлагаю выпить за наше неожиданное знакомство.

Василий поддержал тост. Они чокнулись, дружно, как по команде, проглотили горячительное и стали закусывать котлетами «По-киевски».

Ровно через полчаса, как и предсказал провидец, понадобился второй графин с прозрачной жидкостью, потому что первый совершенно некстати полностью опустел, оставив о себе лишь лёгкие воспоминания и странные ощущения в виде заплетающегося за зубы языка.

— У-у-у! — тягуче пропела Ирина. — Это Вы меня нарочно спаиваете? А давайте перейдём на «ты». Вы не против?

— Нет, не против, — Василий отрицательно покачал головой. — Вы знаете? Прости. Ты знаешь, а ведь события повторяются с завидной очерёдностью.

Василий посмотрел на часы и хлопнул в ладоши:

— Пора припудрить носик.

— Хорошая мысль, — Ирина поднялась из-за стола и, прихватив свою сумочку, направилась в комнату для дам, слегка покачиваясь, как шлюпка на прибрежных волнах беспокойного моря.

К тому времени хмель основательно ударил в голову, и Ирочка бросила уже на ходу в сторону Василия избитую фразу:

— А ты редкостный шалун. Не уходи никуда. Я скоро вернусь.

Слегка поправив причёску непослушными руками и подкрасив губы густым слоем яркой помады, Ирина вернулась с твёрдым намерением испачкать Василию рубашку.

— Я это сделаю! — молча решила она. — Тогда и посмотрим, что скажет его жена? Жена. Жена. А ведь он женат и, наверное, счастлив в браке. Холёный весь, ухоженный. Интересно, каков он в постели?

— Василий, а ты почему не приглашаешь даму на танец? — спросила Ирина, вернувшись назад к столику.

— Обязательно приглашу, — пообещал Василий. — Вот только выпьем ещё по маленькой и закусим, и тогда уж точно приглашу.

— Тогда не будем затягивать процесс и лишать даму удовольствия, — Ирина подняла свою рюмку. — За что на этот раз? За любовь?

— За любовь, — поддержал Василий. — А за любовь пьют стоя и до дна.

Он поднялся из-за стола и залпом проглотил свою порцию огненной воды.

— Браво! — Ирочка не могла не восхититься таким, как её показалось, мужественным и благородным поступком. — Ты прямо, как настоящий гусар. Стоя. И до дна. А знаешь, я так тоже могу. Вот так вот, залпом.

Женщину сильно качнуло и повело назад, отчего пролитая водка из поднесённой к губам рюмки обильно выплеснулась на лицо, тонкими струйками потекла по подбородку,

шее и даже намочила кружевной воротничок белоснежной блузки.

— Держи меня, Василий! — воскликнула женщина и тут же картинно упала на руки партнёра, попутно испачкав губной помадой его рубашку.

Потом они танцевали, и Ирочка так тесно прижималась к Васильку, как будто бы хотела слиться с ним в единое целое. А потом у Ирочки началось прояснение в мозгу. Очевидно, алкоголь вымыл из организма все стопорные пробки, позволив воскресить исчезнувшие в глубинах памяти воспоминания о событиях вчерашнего вечера в мельчайших подробностях.

— Так вот о каком дежавю ты мне твердил совсем недавно, — Ирочка зло посмотрела в глаза Василия, который совсем ничего не подозревал о внезапной перемене настроения своей спутницы.

— Так это ты мне вчера отказал? — возмущению Ирочки не было предела, особенно после того, когда она припомнила бессовестное и ничем не оправданное бегство мужчины из её дома.

— Оставил меня и так равнодушно смылся? — напряжённо думала женщина. — Оставил совсем одну, безутешную? Ну что же, сегодня мы всё исправим! Сегодня ты никуда от меня не денешься.

Притворяться, что она по-прежнему ничего не помнит, Ирина совершенно не хотела, а потому сказала прямо:

— А я всё вспомнила про вчерашний вечер. Да, да, всё. И мне совсем не стыдно! Нисколечко!

Ирина остановила свой танец и, немного отстранившись от Василия, заявила:

— А поехали ко мне. Прямо сейчас. Надеюсь, я могу рассчитывать, что в сопровождении мне не будет отказано?

— Не будет, — Василёк отрицательно покачал головой.

— Вчера ты тоже согласился, — продолжила женщина. — Ах, да! Дежавю, или история повторяется. Ну что же, на выход!

И через пять минут пойманная машина везла их во Фрунзенский район, на улицу Будапештскую, туда, где жила Ирочка. Центр города с его старинными зданиями, рекламными щитами и вечно ремонтируемыми фасадами домов остался позади, и автомобиль въехал в спальный район с чередой выстроенных в одну линию типовых безвкусных зданий.

Дом Ирочки стоял в глубине одного из густонаселённых жилых массивов. Звуки проходящего по улицам транспорта путались и терялись в нехитром лабиринте серых бетонных коробок, а потому в квартире, расположенной на шестом этаже, можно было наслаждаться тишиной и покоем даже с открытым настежь окном. Редко кто осмеливался шуметь по вечерам и ночам в этом спокойном микрорайоне, разве что заблудившаяся стайка заезжих хулиганов, находившихся в постоянном поиске новых приключений, да местные алкаши, путавшие в режиме глубокого полуобморочного наркоза

не только день с ночью, но даже лето с зимой.

— Бывали дни весёлые… — горланил под окнами какой-нибудь захмелевший не в меру певец, горланил до тех пор, пока пущенная точно в цель пустая стеклянная бутылка со звоном не разбивалась о его голову, мгновенно выключая сознание исполнителя и переводя его тело в горизонтальное положение.

Было довольно темно, когда машина с пассажирами подъехала к нужному подъезду, выхватив ярким светом зажжённых фар облезлые кусты с голыми ветвями и несколько грязных мусорных баков, источавших жуткий колорит зловония.

— Я приглашаю вас на чашку кофе, — игриво заявила Ирочка, снова перейдя на «Вы».

Василий расплатился с водителем, и машина тут же уехала, сверкнув на прощание габаритными огнями.

— Позвольте, я вам помогу, — Василий предложил свою помощь в поисках ключа от домофона.

— Не стоит, — отказалась Ирочка, а потом встрепенулась, явно обидевшись на фамильярный тон, заменивший желанный и ожидаемый интим. — А почему так официально, да ещё на «Вы»?

— С вас пример беру, — ответил Василий.

Женщине такой ответ явно не понравился, но она и виду не подала.

— А вот и ключи, — Ирина потрясла извлечённой из сумочки звенящей связкой. — Прошу.

Дверь подъезда отворилась, повинуясь прикосновению таблетки к новомодному устройству.

— Поедем на лифте или, как вчера, пешком? — уточнила Ирочка у Василия, явно намекая на вчерашнее путешествие наверх на его руках.

— Пожалуй, предпочту автоматику, — мужчина нажал на кнопку вызова лифта.

— Я тоже не против поездки, — согласилась Ирина. — Да здравствует научно-технический прогресс!

Тем временем лифт опустился на первый этаж и услужливо распахнул двери.

— Поехали! — Ирина засмеялась, и лишь только они с Василием зашли внутрь, нажала кнопку с цифрой шесть.

Лифт загудел, дребезжа пластиковой обивкой стен.

— Мне страшно, — произнесла женщина и тотчас прижалась к груди Василька.

«Началось», — подумал Василий, и решил подыграть попутчице: всё-таки во власти его рук был секретарь высокого начальника.

Он бережно обнял женщину за плечи и сказал:

— Тс-с-с. Не шевелись, а то вдруг и правда застрянем. А лифт всё-таки не лучшее место для рандеву, тем более по ночам.

И они замерли вдвоём, позволяя только несмазанным скрипучим подшипникам подъёмного механизма беспардонно разрезать безмолвное пространство своим скреже-

том. А ещё через несколько минут путешественники были в Ирочкиной квартире, в которой царил вполне сносный беспорядок, оставленный женщиной накануне.

— Спокойно, не обращай внимания на бардак. — улыбнулась Ирина. — Вещи существуют как раз для того, чтобы их небрежно разбрасывать по квартире.

С этими словами Ирина сняла с вешалки в прихожей чёрный кружевной бюстгальтер, а с крючка в ванной бледно-голубую комбинацию.

— Мой руки и проходи на кухню, — предложила женщина гостю. — Я сейчас.

Ирочка проследила за тем, чтобы Василий скрылся в ванной, а сама тем временем прошла в спальню, чтобы привести в порядок себя и прибрать постель, где на смятой простыне комком лежало тёплое пуховое одеяло.

— Так, колготки — в шкаф, бельё — туда же, газеты — на книжную полку, шторы задёрнуть, включить бра, погасить верхний свет, — отдавала сама себе распоряжения женщина. — Ну всё, вроде бы порядок.

Она посмотрела на себя в зеркало, лёгким движением руки поправила причёску и вышла на кухню к своему гостю.

— Я, наверное, пойду, — очень нерешительно попросил Василёк.

— А как же чай? — удивилась Ирочка. — Или лучше кофе?

— Да нет, спасибо, мне действительно пора, — честно со-

знался Василий. — А то второй вечер вот так вот допоздна.

Немая сцена Гоголевского «Ревизора» отдыхает по полной перед лицом недоумения, досады, растерянности и разочарования Ирочки в тот момент, когда она услышала обидные слова Василия, говорившие лишь о том, что он по-прежнему оставался к ней холоден и безразличен.

«Культурный, — подумала Ирочка. — Интеллигент, твою мать!»

— Вот что, пока не попьём кофе, я никуда тебя не отпущу, — с хрипотцой в голосе проворковала Ирочка, нацепив вымученную улыбку на лицо.

Василёк машинально взглянул на наручные часы и согласился испить по чашечке на дорожку.

— Но только по одно, — предупредил он, согласно кивнув головой.

— Пока варится кофе, предлагаю по двадцать капель Рижского бальзама, — снова предложила Ирочка. — Я сейчас принесу.

За бальзамом пришлось идти в соседнюю комнату, где в баре среди прочих початых и закупоренных бутылок разных размеров и всевозможного наполнения, как говорится, на любой вкус, приютилась небольшая аптечка. Ирина тут же выставила на позолоченный поднос две аккуратные рюмочки, наполнила их наполовину Рижским бальзамом и вкинула в одну пару маленьких таблеток, которые тут же зашипели и растворились в тёмной жидкости без остатка. Ирина убра-

ла аптечку на место, закрыла дверцу бара и через несколько мгновений снова появилась на кухне.

План хозяйки был прост: для начала усыпить долгожданного гостя, чтобы он и не помышлял куда-либо уезжать, а затем затащить его в постель.

— А вот и я, — Ирочка поставила позолоченный поднос на кухонный стол.

— Не закипел ещё? — участливо спросила она, кивнув в сторону ярко-красного чайника.

— Не закипел, — подтвердил Василёк.

— Ну, тогда по маленькой? — Ирочка снова улыбнулась. — Рижский бальзам тебе понравится, я в этом уверена. У него очень приятный и необычный вкус.

А потом она следила за тем, как действовало подмешанное в бальзам снотворное, как стали слипаться глаза Василия, путаться его речь, а через несколько минут он и вовсе заснул прямо за столом, уронив голову на руки.

— Какой же ты тяжёлый! — этот возглас Ирочки после бесплодной попытки переместить бесчувственное тело кавалера в опочивальню на мягкую кровать больше напоминал крик отчаяния.

— Выспаться ты можешь и дома, — Ирочка закинула руку Василия себе на плечо. — А ну, помоги мне.

И она потянула мужчину вверх. Василёк услышал эту просьбу и по мере своих сил и возможностей стал помогать женщине, не совсем понимая, куда его волокут и зачем. Ему

просто смертельно хотелось спать, вытянуться во весь рост, лёжа на кровати, и забыться мирно и спокойно. Только вот этого ему как раз и не позволяли. И хоть время потеряло чёткие грани, а всё происходившее больше походило на сон, заснуть по-настоящему Васильку не удавалось. Ирина тормошила его изо всех сил. Она успела снять с него рубашку, стянуть брюки и делала всё возможное, чтобы растормошить этого спящего красавца.

— Неужели я со снотворным переборщила? — подумала Ирочка. — Ну же, просыпайся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.